

АРТЕФАКТ

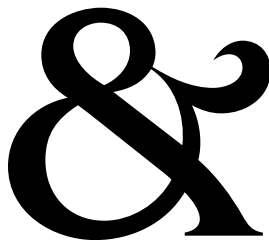

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Ольги БАСКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты
Золотой конь Митридата
Сокровище падишаха
Наследство племени готов
Проклятая сабля крымского хана
Брегет хозяина Одессы

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга БАСКОВА

Медальон
Таньки-пулеметчицы

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Дизайн обложки *Н. Кудри*

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Баскова, Ольга.

Б27 Медальон Таньки-пулеметчицы : [роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-184003-7

Все, чего хотелось Тане, — это жить сыто, в тепле и довольстве. Началась война, и, представляя себе полную героических подвигов судьбу, она добровольно отправилась на фронт. Оказалось, что война неприглядна — кровь, боль, грязь и холод. Таня приняла правила игры, и через некоторое время никто не называл ее иначе чем Танька-пулеметчица, а ее жестокость поражала даже фашистов.

Через несколько десятков лет человек, причастный к смерти легендарной Таньки, умирает. Казалось бы, нет ничего криминального в его смерти, но местный журналист, который беседовал с мужчиной накануне, в этом сомневается. Связав воедино все события и рискуя собственной жизнью, молодой человек выходит на след убийцы...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184003-7

© Баскова О., 2020

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

1921 год, Смоленская область,
деревня Малая Волховка

Евдокия задула свечу, уже изрядно оплывшую и напоминавшую бесформенный снежный ком, сняла серенькое льняное платье, местами заштопанное толстыми серыми нитками, и быстро надела через голову когда-то белую, а теперь застиранную, неопределённого цвета ночную рубашку, искоса взглянув на кровать. Муж Марк, подложив руку под голову, спокойно смотрел на нее, и ее сердце забилось, будто птица в силках. «Должна сказать, — мелькнуло в голове. — Сегодня, сейчас. И будь что будет».

Она немного помедлила, прежде чем лечь в постель, вынула острую шпильку из густых темно-русых волос, и они тяжелым водопадом упали на плечи.

— *Шо возисся?* — раздался голос мужа. — *Словно яка королевна прихорашивается.*

— *Иду,* — покорно ответила она и присела на краешек кровати. Его мозолистая ладонь, нырнув под ее рубашку, прошлась по спине.

— *Марк, не надо,* — прошептала Евдокия и дернулась. Муж приподнялся на постели:

— *Шо? Шо табе не так?*

— *Тяжелая я,* — выдохнула женщина, смело взглянув в его серые глаза. — *Другэй месяц уж. Боюсь, ребятеночку зло причиним.*

Марк с силой схватил ее за руку, оставляя синяки на нежной коже.

— Тяжелая? Да ты в своем уме? Ртов у нас шестеро, куды ище одного? Шоб завтра избавилась. К Андреевне ступай, поможет.

Евдокия потрянула головой:

— Шоб я свое родное дите? Ни в жизни.

— Дрянь ты. — Муж снова опустился на подушку. — Тока о себе думаешь. Ты будешь брюхо греть, а я? У колхозе ишачить? Не всегда исть шо, как жить будем?

— Проживем, — уверенно сказала она. — А дите убивать не буду.

— Ну-ну. — Мужчина обиженно засопел и отвернулся к стене. — Поглядим.

— Поглядим, Марк. Спи.

Он еще долго ворочался, прежде чем захрапеть, а бедняжка до утра не сомкнула глаз. Да, конечно, муж прав, им придется тяжело. В колхозе жизнь нелегкая, огород еле дает пропитание. Как обуть, одеть и накормить семь голодных ртов?

— Ниче, — решила Евдокия. — Руки есть — не пропадем.

Глава 2

Смоленская область. Малая Волховка

Дав себе слово, бедная женщина больше не знала покоя. Стараясь не отставать от мужа, который, что ни день, набрасывался на нее с попреками, она работала как вол в поле и в огороде, не позволяя себе расслабиться хотя бы на минуту. В тот хмурый августовский день, убирая сено, она почувствовала схватки и прилегла под телегой. Соседка Мария, высокая, дородная, с коричневым от загара лицом, прорезанным белыми морщинками, присела рядом:

— Начинается? Рано вродя.

— *Начинается, Маша, — призналась роженица. — Шо делать, если дите из чрева просится?*

Соседка оглянулась в поисках Марка:

— *Мужика тваво позвать? Ен до дома тебе довезет.*

Евдокия замотала головой:

— *Нет, сама доеду. Ты, милая, Андреевну предупреди. — Она погладила огромный живот. — Чувствую, ребяточек тяжело пойдет. Помощь нужна. Ох, мамочки, больно! — вдруг закричала бедняжка и с трудом забралась на скрипучую разбитую телегу. — Беги, Маша, беги, милая. Ой-ой-ой...*

Слегка ударив худющую гнедую с молочным пятном на лбу лошадь кнутом, она откинулась на сено. Ребенок, казалось, раздирал внутренности, по ногам струилась горячая жидкость.

— *Ой, мамочки! — Евдокия взглянула на небо, словно ища поддержки у давно умершей матери. — Ой, мамочка, помоги!*

Пегая кляча неторопливо ступала по утоптанной копытами и сапогами тропинке, еле перебирая тощими ногами. Над ее костлявым крупом роились бормочущие оводы. У Евдокии не было сил отогнать их хворостинной. Она до крови кусала пухлые розовые губы и сжимала кулаки так, что ногти врезались в кожу. Когда старая скрипучая телега остановилась у почерневшей от времени избы с покосившейся крышей, женщина заметила бегущих к ней Марию и местную повитуху, бабушку Андреевну.

— *Давай, родимая. — Бабы помогли ей слезть и под руки повели в дом. Сгорбленная повитуха, сверкая глазами из-под нависших седых бровей, приговаривала:*

— *Кричи, милая.*

С помощью Марии она уложила роженицу на кровать. Выпученные голубые глаза Евдокии казались безумными. Рот раскрылся в беззвучном крике, розовел кончик языка, окаймленный молочным налетом. Из искусанной пухлой нижней губы бусинками сочилась кровь.

— Воды нагрей, быстрее! — буркнула Андреевна и погладила дрожавшую руку Евдокии. — Терпи, бабонька, терпи, сейчас робеночку поможем.

Она разложила на ветхой скамье чистые полотенца.

— Тужься, милая.

Почти ослепшая от невыносимой боли, Евдокия закричала.

— Вот, милая, — подбадривала ее старуха. — Сейчас твое младенчика примем.

На крик прибежала Мария и носилась возле кровати, как потерявшая след собачонка.

— Скоро водичка... — прошептала она, глядя на искажившееся лицо соседки. Бабка вздохнула:

— Не идет ребятеночек. Не хочет в наш мир. Ох, тяжело придется, только бы дитяtko не сгубили. — Грубыми коричневыми руками в старческих пятнах она поглаживала огромный живот. — Ну, давай, родимая, тужься сильнее.

Евдокия кричала и тужилась, обливаясь потом, думая про себя, что это самые тяжелые роды в ее жизни и что, наверное, она не переживет. Господи, ну почему этот ребенок идет так трудно? Пятеро до этого просто выскользнули из утробы, один даже в поле во время косьбы.

— Тужься! — уже орала Андреевна, вытирая с покрасневшего лба крупные капли. — Тужься!

Бедняжке казалось, что голос повитухи доносился издалека, чуть ли не с неба. Может быть, она уже там, у Боженьки?

Когда старуха с облегчением вымолвила: «Головка показалась...», Евдокия решила, что прошла целая вечность. Женщина, будто вернувшись на землю, собрала последние силы и вытолкнула плод. Она не видела ребенка, лишь слышала, как Андреевна ударила его по попке. Вместо крика раздалось какое-то кошачье мяуканье.

— Девочка, — промолвила повитуха. — Слабенькая. Ишь, силенок нету кричать. Ну да ничего. Ты ее выходишь.

— Я ее выхожу, — пообещала Евдокия. — Обязательно.

— Верно, милая. — Вместе с Марией повитуха сполоснула от крови тельце ребенка, туго запеленала и протянула Евдокии: — Держи, милая. Теперича сама...

Осторожно, словно дорогую вещь, ослабевшая женщина взяла так тяжело ей доставшееся дитя и прижала к груди. На сморщенном личике девочки отразились все страдания, которые пришлось вытерпеть ее матери.

— Последыш мой, — ласково произнесла женщина. — Любимая.

— Чай, Марк обрадуется, — заключила Андреевна. — Девка вырастет и по хозяйству поможет.

Роженица лишь вздохнула. Она как огня боялась прихода мужа, зная, что в гневе Марк бывал очень жестоким, и часто его крепкий кулак опускался как на ее спину, так и на хрупкие спины детей. Вспомнив его слова о будущем дочери, она еще крепче прижала к себе ребенка. «Как бы не извел, — мелькнуло в голове. — Ничо, не дам. Скорее сама под кулак голову подставлю. Пусть убивает, изверг, а дите не трогает».

Мария и Андреевна еще немного посидели с ней и стали собираться.

— Катька у Маховых должна родить, — пояснила повитуха, отвечая на просьбы роженицы побыть с ней еще немного до прихода хозяина в надежде, что, может быть, убедят его, что дети — в радость. — Поди, ищут меня. Завтра навещу тебя, Дуняша. Береги девочку.

— И я завтра забегу, — пообещала Мария. — Курочку мы зарезали, я супчика тебе принесу. Будешь супчик-то?

— Спасибо, — выдохнула Евдокия и повернулась на бок. Когда за женщинами захлопнулась калитка, она стала взволнованно прислушиваться к каждому шороху. Тяжелую поступь Марка женщина не спутала бы ни с чем. Наверное, так ступают медведи — хозяева тай-

ги: грузно, но уверенно. И точно, он влетел в избу вскоре после ухода соседки и повитухи и, отшивырнув среднего сына Ивана, щуплого подростка с узким лицом и испуганными серыми с крапинками глазами, направился к постели жены.

— Все-таки разродилась...

— Ты думал — умру... — Искусанные почерневшие губы с запекшейся каплей крови исказила слабая улыбка. — Да вот не вышло. Девка у нас.

Он со злостью сплюнул прямо на пол.

— А по мне, что девка, что парень — все одно: щенок, дармоед.

— Так о своем дитя? — Голубые глаза Евдокии потемнели, она оскалилась, готовая, как волчица, защищать свою кровиночку. Мужчина сжал кулаки. Он редко видел непокорность со стороны жены, это удивляло, пугало и раздражало его.

— Убил бы...

— Убивай, — смело сказала Евдокия. — А дите в обиду не дам.

Она закрыла ребенка рукой. Марк двинулся к ней.

— Папа! — Старший сын, двенадцатилетний Игнат, словно почувствовал неладное, вбежал в избу и бросился к отцу. — Папа, не трожь мамку!

Хозяин скривился:

— Да не собирался. — Он хмуро взглянул на новорожденную, усмехнулся при виде ее сморщенного личика: — Хилая... Все равно подохнет...

— Не позволю, — прошептала женщина и коснулась губами горячей щеки дочери. — Не позволю. Выхожу.

Тяжело ступая, Марк направился к двери. В каждом его движении чувствовалась брезгливость и ненависть. Ненависть ко всему — к жене, только родившемуся ребенку и к самой жизни, схватившей за горло стальными тисками и не дававшей опомниться, выдохнуть, расправить плечи. Ну почему, почему ему суждено тащить